

26.5.95.
Радзинский Эдвард

... Драматург, прозаик, историк, публицист, телеведущий ... В любом из этих амплуа Эдвард Радзинский выступает с блеском. (Хотя, само собой, есть у него и весьма злые критики, обвиняющие как раз во «всядности».) Остролов, любитель парадоксов, человек глубоко образованный ... Радзинский выступает сегодня в не вполне привычной для него роли интервьюируемого.

— Эдвард Станиславович, пару лет назад я бы начал наш разговор с вопроса, посвященного театру. Но сегодняшний театр — штука странная; с одной стороны, он есть, а с другой...

— Да, его нету. Советский театр был театром политическим. Зритель смотрел «Горе от ума» и знал, что речь идет и о нем, ведь быть умным в России всегда опасно. А цензоры приходили на просмотр и думали, что им делать с монологом Чацкого... Тем не менее театр был счастливым ребенком советского строя. Спектакль в ту пору заменял и газету, и проповедь... На одной из моих премьер диссидент Сахаров сидел рядом с председателем Гостелерадио Лапиным. Такая, знаете ли, гласность в темноте. А кому она нужна, когда и при свете можно сказать все, что душе угодно? Русский советский театр был убит свободой: его гранды поблекли и перестали быть интересны на следующий день после того, как Горбачев дал обществу вольную.

— Мне кажется, что и в новых своих амплуа — историка, автора телевизионной передачи — вы по-прежнему остаетесь человеком театра. Я всегда различаю в ваших телевизионных работах сюжет, интригу, кульминацию, развязку... Что ж, Мельпомена и Клио — сестры; в старину не случайно говорили — «подмостки истории». И, продолжая эту аналогию, позвольте спросить: что вас, драматурга, особенно притягивает в истории России?

— Прежде всего ее необычайная сценичность. Монологи Екатерины, например, можно целиком вставлять в пьесу; она позаботилась и о блестящих репликах, и об эффектных сюжетных ходах. Вся ее жизнь — божественная интрига в стиле Скриба: она играет со своими любовниками, как с марионетками, то отпуская, то натягивая нити. Из небытия возникает очередная красавица, царица произносит свой текст — и фаворит исчезает, уступая место следующему. Тот выходит на сцену — и выслушивает все те же слова. Лейб-любовник Потемкин (или Орлов) играет роль радетеля о благе государства. Он гордо выступает, раздувая щеки, произносит речи в «высоком штиле», но за каждым его поступком — все та же рука августейшего кукловода.

Екатерина — один из любимых моих персонажей: ей на какое-то время удалось убрать из русской истории привкус крови. Взгляните на царствования ее предшественников: ужасы тайной канцелярии, прелести дыбы, людям рвут языки, накладывают клейма, палач орудует кнута и раскаленными щипцами...

Действующие лица русской истории часто отправляются в изгнание и... возвращаются обратно. Главное, чтобы тебя не убили — и тогда все устроится. Возвратятся из ссылки Миних, Лесток, Бестужев... Вернется даже чудовищный, проклятый Россией Бирон — и вновь станет герцогом Курляндским. Когда арестовали членов

Труд — 1995
26 мая — С.5.

ТЕАТР СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Лучшие его спектакли, по мнению Эдварда Радзинского, прошли на политической сцене

ГКЧП, я был спокоен за их судьбу: коли не убили — вернуться...

Россия — удивительная страна! Кажется, что история повернулась на сто восемьдесят градусов, поверженные кумиры навсегда втпаны в грязь... Ан завтра все не так.

— Когда я разговариваю с самыми разными людьми — в том числе и с теми, кого относят к идеологам «русской партии», — меня не оставляет ощущение, что все они подсознательно убеждены во «второсортности, ущербности русской истории. Все с готовностью признают, что мы плохо работаем, грязно и скудно живем, — утешением может служить лишь то, что, по Божьему счету, русские ничуть не хуже благополучных немцев... И даже — наоборот.

— Дело в том, что мы молодая нация и в силу этого живем порой по закону города Глупова. Как можно судить русскую историю по европейским меркам, если крепостное право у нас было отменено лишь в 1861 году? Не так давно в России торговали людьми: я знал нескольких человек, разговаривавших с современниками рабства!

Поэтому меня не удивляют сложности, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Они в значительной степени обусловлены нашим прошлым. В начале XIX века маркиз де Кюстин, иностранец, приехавший в Россию, написал: «В России есть все, кроме свободы, но, к сожалению, без свободы нет жизни». При Романовых страна жила без свободы триста лет, после Романовых еще семьдесят... Затем свобода появилась, и все решили, что вот сейчас, вмиг, и начнется новая жизнь. Но для свободы (как и для эконбмики) нужна особая человеческая инфраструктура. Мы же все вышли из-под сталинской шинели. Хозяин — отец «хomo советикуса». И потому так трудно расстаться с прежней жизнью и потому мы бросаемся в привычные мифы о рае.

Только раньше наш рай был впереди, а теперь — позади. «Что прошло, то мило»: в последнее время у нас появилось сразу несколько

потерянных раев. Первый — «Россия, которую мы потеряли», царская. А второй рай был совсем недавно, мы его просто не заметили: у нас была дешевая колбаса для всех, дешевый дурной сыр для

зал: «Наше поколение ее не увидит». Если бы ему ответили, что примерно через год после этого предсказания он станет правителем России, он уж точно бы решил, что перед ним сумасшедший. Если

вистской и новой, имя которой я дать затрудняюсь.

При этом каждая предшествовавшая начисто разрушалась и подвергалась поношению. Изменялся даже смысл многих понятий.

— В 1982 году такое и впрямь могло прийти лишь в безумную голову...
— Нас спасло то, что Горбачев искренне верил в миф, созданный советской литературой. Он решил, что Ленин был крайне терпим и вообще все испортил Сталин. Ему казалось, что можно сохранить режим, надо лишь отменить насилие и нетерпимость. Он их и отменил, а режим взял да и рассыпался.

Предвестием этого стал великолепный театральный спектакль Времен Падения Строя: заседания Верховного Совета СССР. Мы привыкли, что политические зрелища имеют известное нам всем течение. Сначала будет речь товарища Брежнева, потом все будут спать на докладе, потом поднимать руки... А вот что будет произнесено на горбачевском Верховном Совете, чем все это вообще закончится, предсказать было невозможно — и оттого он стал любимым зрелищем советского народа, блестяще заменив собой увядший театр.

— Почему же заседания Госдумы навевают на нас тоску и грусть? На них ведь тоже можно услышать много неожиданного — вплоть до новых, ранее неизвестных из-за избытка воспитания слов...
— Зрелище должно заключать в себе обязательный элемент неожиданности. А депутат Госдумы только выйдет на трибуну, только откроет рот — мы уже знаем: имярек скажет то-то и то-то. У них выработались устойчивые амплуа: демократы, консерваторы, патриоты... Нет, это невеселый театр.

Но все это закономерно. Политический сумбур всего лишь отражение душевной, умственной сумятицы. Ни одна страна мира за такой короткий срок не существовала в трех принципиально разных цивилизациях — царской, больше-

вспомните наше недавнее прошлое: замечательные слова «особенный», «образованный» на семьдесят лет стали почти оскорблением («ты что, особенный, что ли?»). В сознание народа внедрялась ролевая психология, в которой растворяется отдельный человек. Новая, постсоветская цивилизация потребовала от коллективных людей стать индивидуалистами. А это подчас почти трагедия.

— Из подобных трагедий соткана вся наша история: от князя Владимира, крестившего Русь, до патриарха Никона, изменившего религиозный обряд. От Петра I, развернувшего страну в сторону Запада, до Александра II, освободившего крестьян. От Сталина, вновь укрепившего их к земле, до...
— Вспомните слова Волошина: «В комиссарах дух самодержавья, вихри революции в царях». Маятник русской истории все время колеблется. Что до Петра I, то он действительно был великим революционером. К счастью, царь не сумел изменить главного содержания русской жизни — православной религии. Впрочем, уничтожив патриаршество, Петр заложил основу будущей трагедии России. В XVI веке, в Смутное Время, страну спас Патриарх: народ сплотился вокруг религиозного центра. В семнадцатом году, при слабом, непопулярном царе, ничего подобного не было: церковь была подчинена государству...

— И развращена?
— Лишь частично. Во время революции среди священников были удивительные люди, настоящие подвижники. Важнее другое: символ государства и церкви способствовал... атеизму. Это разрушало и церковь, и государство. Россия давно была «беременная революцией». Она надвигалась уже при мощнейшем Александре II: он как часто раздавались тогда выстрелы террористов, взрывы бомб, а к 25-летию царствования императора в Петербурге вообще была паника — ждали нашествия бомбометателей. «Коллеблюсь над без-

дною» — эти слова родились за несколько десятков лет до семнадцатого года... Россия все время была готова рухнуть в революцию — но не рухнула, пока религиозное сознание в ней было сильным. Кто знает: будь православие независимым, отделенным от государства, быть может, наша история и пошла бы по другому руслу. Но когда престол зашатался, второго духовного центра в стране не оказалось...

— Есть ли будущее у православной церкви? Сейчас она вновь, как мне кажется, активно сражается с государством...

— Я вас понимаю. Но главное все же в другом: книга вернулась, Библия вернулась в дома. А уж она сама за себя постоит. Это — величайшее событие, с этого момента в России пошло новое время.

В истории православного движения есть необычайные люди, например, великий религиозный мыслитель отец Александр Мень. Его убийство было трагедией, равнодушные страны — трагедией вдвойне. Убийство ксендза Попелюшко положило начало революции в Польше; мне кажется, после того, как наше общество трагически вяло отреагировало на убийство отца Александра, в России стало возможным очень многое — и октябрь 1993 года, и Чечня, и выстрел в Листьева...

Братания правительства с церковными властями, которые надоеливо показывает телевидение, вряд ли кого-то радуют. Русский человек подсознательно убежден в том, что все, связанное с властью, глубоко несправедливо... И все-таки, говоря о вере, я бы, скорее, вспомнил чудо, которое я заметил только потом: незлыблемый, как египетская пирамида, советский режим рухнул сразу, осыпался в год тысячелетия христианства.

— Как вам кажется, что нас ждет впереди?

— Я надеюсь на лучшее. Еще недавно поражало, пугало количество ненависти, переполнявшей страну. Из-за этого я сначала напечатал книгу о Николае II за рубежом. Дело в том, что, когда «Огонек» начал публиковать отрывки из нее, ко мне стали приходить груды ужасающих писем — авторы просили дать им адреса родственников царевубийц. Они хотели сделать с ними то же, что те — с царской семьей. Я отвечал, объяснял, что все это уже было. Вскрывали могилы, выбрасывали трупы, и чем это кончилось? Я цитировал им письмо великой княжны с удивительными словами: «Государь просил не мстить за него. Он всех простил». Цитировал стихотворение, что осталось, как завещание, после гибели царской семьи: «Дай крепость нам, о Боже правый, злодейство ближнего прощай, и крест тяжелый и кровавый с твоею кровостью встречай». Я пытался объяснить, что смысл и величие этой истории в том, что она не об убийстве, но о прощении... И вновь получал в ответ злобные письма.

Сейчас этого нет: я с радостью и изумлением чувствую — ненависть и ожесточение уходят. Давайте закончим наш разговор на том, что я отношусь к очень странному разряду историков — на будущее России я нынче смотрю с оптимизмом.

Беседу вел
Алексей ФИЛИППОВ.